

Александр Подопригора, оригинальный социальный мыслитель, автор блистательного опуса «Пакт Моисея», опубликованного в первом номере *БК*, в беседе с редактором журнала рассматривает философские аспекты происходящего с нашей страной и многострадальной Челябинской областью.

Я думаю, что сейчас следует говорить не о подведении итогов года или десятилетия, а об уходе огромной эпохи — эпохи империй и национальных государств, со всеми ее ужасами и блеском. Эта вселенная строилась долго и красочно, но исчезает незаметно. В глобальном мире, лишенном границ, национальных экономик и эпатажных диктаторов, всё происходит в совершенно других форматах, нежели это было в мире следовых полос, железных занавесов, тоталитарных идеологий, государственных союзов и войн за территории.

избирателя — консьюмтариата к политическим сюжетам и действующим лицам, а также в чисто коммерческих целях — инсайдерами, зарабатывающими на курсах. Трагедия ипотечной кабалы и печи Освенцима все-таки очень разные вещи. Поэтому мы часто не замечаем по-настоящему революционных изменений, итоговых событий и явлений, свидетелями которых являемся. Мы просто живем в них и принимаем их как естественную, чаще нейтральную неизбежность. Между тем одна из тех стран, что находятся сейчас на пике радикальных и необратимых трансформаций, — это Россия, в которой мы живем.

Задача исследователя, рассматривающего не только сугубо экономические и социальные аспекты государства, но страну как живую целостность, часто обречена в силу ложности утвердившейся парадигмы предмета наблюдения. Грубо говоря, если орнитолог исследует цаплю, будучи уверен, что перед ним птица из семейства совиных, трудно ожидать от этого исследования достоверных выводов. Если оценивать перспективы социальной структуры королевства Таиланд с точки зрения критериев классической западной политической экономии и политологии, мы обязательно будем представлять его как недоразвитую Испанию и сдержанно сетовать, что такая благодатная территория всё еще находится на довольно архаичном этапе развития, а этот курорт, увы, всё еще не Коста-дель-Соль.

Я думаю, с Россией всё намного сложнее. Если в случае Таиланда или Испании мы имеем очень разные, но реально существующие общества со своей, заданной и читаемой динамикой и вектором развития, то в случае с Россией мы имеем несуществующее государство. Это некий фантом, симулякр того государства, которое мы привыкли воображать как Российскую империю, СССР, а новейшую РФ — как их наследницу. Но смыслы и ткани империи умерли и распались — несколько раз за прошедшее столетие, а применительно к тому, чего нет, не может быть достоверных оценок, планов и прогнозов. Это всё — не миф даже, ибо миф достоверен и эффективен в силу причастности к сакральному. Это — фантазм, морок. Здесь кроется одна из критичных черт нашей национальной психологии и политического самосознания — некая шизофрения, раздвоенность, ощущение демонической сущности происходящего как полета в бездну, как одновременного внутреннего понимания и неприятия того факта, что Святая Русь, Третий Рим и Империя обернулись соблаз-

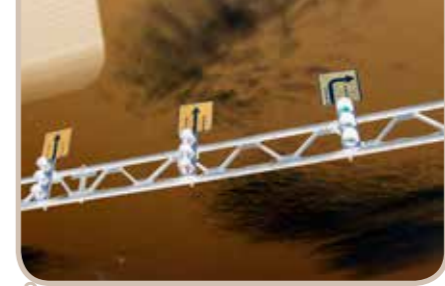

ном, испытанием, которого мы не выдержали. И получили в наказание чистилище сталинизма, а из него вышли бесплотными и неприкаянными тенями, с которых вместе с грехом соскребли смыслы.

На самом деле уже давно нет ни Российской, ни Советской империй, но мы мыслим себя живущими в этом фантоме, который есть совершенно особый информационный объект. Это зомби — существо умершее, которое между тем сохраняет способность к механическим телодвижениям, не содержащим в себе ни осмысленности, ни личной ответственности. Зомби существует и действует некоторое время после испускания духа в силу телесной инерции и жреческого заговора (его аналог в информационном организме нашего государства — ТВ и политехнологии).

Но именно так его и следует оценивать, а не пытаться подходить к этому информационному объекту как к живому, существующему и развивающемуся в силу собственной логики и своего места в реальном мире. Нельзя прогнозировать или находить какие-то объективные критерии оценки того образа, которого нет в природе, который — сброшенная трепещущая оболочка умершей идеи распавшегося тела империи. Именно здесь кроется секрет дурной бесконечности провалов всех реформ, экономических гиперпроектов, высокодуховных идеологических конструктов и глобальных концепций развития современной России. Нельзя анализировать то, чего нет, нельзя прогнозировать развитие симулякра, считая его явлением. Нельзя вдохнуть настоящую жизнь в зомби. Майнринк описал это явление как голем, использовав каббалистическую притчу, но синергетика уже изучает големы как специфические информационные объекты.

Причины, по которым в России некогда существовало сильное имперское государство, — в прошлом. То

есть ресурсы и смыслы (контроль над колоссальной территорией, тоталитарная идеология, огромное растущее население, мощная индустрия, харизма лидеров и привлекательность идей) умерли, но остался главный потребитель ресурсов и бенефициар квазигосударства — гипертрофированная бюрократия, надевшая маску похороненной империи. Страна стала приложением к коммерческой бюрократии, имитирующей великую державу и искусственно стимулирующей посредством телевидения и преступности спрос на себя (примерно так же поступают производители колы и мобильных телефонов: они производят главным образом спрос, обеспечивая массовое потребление всё новых моделей и собственные сверхприбыли).

Впрочем, политически в этом нет ничего необычного — множество централизованных государств и целый ряд империй умирали и распадались, продолжая затем довольно долго бытовать в качестве собственных реплик, как зомби. Это было с Римом, с Австро-Венгрией, Британией. Эти империи либо трансформировались в более адекватные времени конструкции, либо вовсе исчезали с мировой политической арены. Такова суровая логика истории. Однако психология постимперской травмы принуждает нас воображать, что мы до сих пор живем в государстве, в котором когда-то жили наши деды и прадеды, а мы — их естественные наследники. Но это не так. У жителей Помпей нет наследников, есть только созерцатели пустот, оставленных их телами в вулканической лаве. Новые Помпеи стоят совсем рядом, но населены совсем другими людьми.

И если с такой позиции рассматривать сложившуюся сегодня в России социально-экономическую ситуацию, то становится понятно, почему неизменно проваливаются все наши государственные планы, начинания

и реформы. Они могут вполне презентательно, правильно и изящно излагаться, но не имеют ничего общего со странной жизнью этого голема. Вспомним пресловутую «модернизацию», а также «инновации», «инвестиции», «инфраструктуру» и прочее. Это всё правильно, но это не про нас, это списано с чужой реальности. Порою кажется, что это какая-то мистика (а так оно и есть!) — вроде бы всё понятно, тысячу раз сформулировано, экспертные оценки проведены, планы поддержаны на самом высоком уровне, широко освещены в информационном поле, но... смотришь через год — и уже сами слова (та же «модернизация») куда-то провалились. И этому находится масса конъюнктурных политических причин, что, по сути, означает: никакие тезисы и смыслы не работают в отношении государства, которого нет в том виде, в котором его можно было бы себе представить и описать в терминах современного политического языка. Сам этот язык создан в другой реальности, в другом политическом измерении, а в зазеркалье эти слова переворачиваются и образуют совсем иной мир социальной изнанки.

Для пущей внятности можно пройтись по нашим государственным институтам — чтобы убедиться, что их нет в природе. У нас нет полиции в том понимании, в каком должна быть она в реальном государстве. Реформы МВД постоянно проводятся и постоян-

но проваливаются в никуда! В какой-то ватный кошмар! Самый крупный успех на этом поприще — переименование «милиции» в «полицию». Эдакое мистическое воплощение реформы в слова, за которыми нет никакой сущности, за которыми — вязкое, неопределимое ментовское небытие.

У нас нет армии, способной отвечать вызовам и угрозам современного мира, а есть лишь летающие в разные стороны булавы и любовницы министра обороны. У нас нет парламента как законотворческого и представительного института — он подменен сборищем людей, купивших мандаты, чей вызывающий отвращение бред невыносимо слушать — поэтому их никто и не слушает.

У нас нет независимого суда. У нас нет свободных СМИ. У нас нет ничего из тех институтов и уложений, что черным по белому прописаны в Конституции РФ. Никто из нас не надеется на полицию или на справедливый и квалифицированный суд. Никто из нас не воспринимает этих бесов-депутатов как своих представителей во власти. Никто из нас не желает, чтобы наши дети служили в армии. Коррупция стала не беззаконием и болезнью власти, а способом ее осуществления и легитимации — взятка перестала существовать как понятие. Это теперь дань, а не хищение или грабеж. Но власть, находящая легитимность в узаконенном грабеже, — не институт, а орда, нашествие.

Но как и чем тогда объяснить и оправдать наше обезображенное беспокорством неосмысленности и неуправляемости текущее бытие, как отыскать в нем место для реальности и опереться хоть на какую-то логику? Почему эта жизнь за пределами жизни возможна и в чем ее содержание? Ведь даже мифологический образ зомби предполагает существование жреца, вызвавшего его из могилы и направляющего его шаги.

Много разъясняется тем, что радикально изменилось само историческое, социальное пространство-время. Раньше, в эпоху национальных государств, с разложением моральных устоев и институтов того или иного государства, живущий на этой территории народ просто поглощали деспотические, верующие в своих богов и хорошо вооруженные соседи. Поэтому государственная состоятельность и наличие прочной сакральной вертикали были вопросами жизни и смерти: есть у тебя армия или нет, есть у тебя церковь или нет, есть легитимная, Богом данная власть, или это сборище проходимцев?.. Но теперь цена изменилась. Мы живем в глобальном мире и видим, как медленно, но верно глобальные институты заполняют тот институциональный вакуум, который образовался в России и других подобных государствах, нисколько не угрожая их фэнтэзийной дреме, похожей на жизнь. Именно поэтому ничего ужасного и критичного в нашем быту после смерти государства не происходит. И мы по-прежнему уверены в том, что мы живем в реально существующем государстве, хотя, как недавно отметил наш президент, девять из десяти значимых сделок между крупными российскими бизнесами происходит вне юрисдикции России.

Проще говоря, американская армия сдерживает талибов на южных рубежах нашей родины, а две уральские компании регистрируют юридические лица где-нибудь в Великобритании, чтобы важную сделку купли-продажи

российских активов провести именно там. Дабы потом можно было бы судиться по спорным обстоятельствам в Лондоне, а не в Нижнем Тагиле. В итоге российский суд как институт не то чтобы исчез вовсе, но в существенных для бизнеса обстоятельствах растворился, уступив свое место как институт фантомный институту реальному. В России суда нет, а в Лондоне есть (в Сингапуре в свое время побороли коррупцию, официально признав Лондонский суд высшей апелляционной инстанцией — мы не первые на этом пути).

Понятно, что таким образом можно разбирать целый ряд жизненно важных институций. В Венскую оперу съездить проще и комфортнее, чем в Большой театр. Отдохнуть в Греции или Испании качественнее и дешевле, чем в Сочи. Прибыли наших компаний выводятся на Кипр, а не в Питер. Работать на Силиконовую долину можно, сохраняя российский паспорт и живя в Екатеринбурге. В эпоху глобализации национальные границы стираются, они тоже становятся фантомными. И уже давно все прекрасно понимают, что российская экономика есть сырьевой придаток глобальной постиндустриальной экономики. И поэтому не имеет большого смысла говорить о том, что у нас есть какие-то самостоятельные тенденции развития. Наша экономика на 200% зависит от Китая, Америки и ЕС. Это провинция глобального мира — и в этом нет ничего, что можно было бы оценить как «хорошо» или «плохо». Это факт — есть экономика боливийская, бразильская, хорватская, а есть российская — их ниши никогда не станут нишами США или Швейцарии, сколько ни истери в Госдуме насчет патриотизма, особого пути и духовных скреп. Это просто другой мир, он не спрашивает нашего разрешения, нужно учиться его понимать и в нем жить, а не пытаться игнорировать его реальность.

Проблемы экономических центров становятся нашими проблемами, их

успехи становятся нашими успехами. Конкурентоспособность российской экономики становится всё более условной категорией, поскольку наше сырье становится менее актуальным для мировой экономики. С другой стороны, самые крупные российские активы давно уже принадлежат иностранным юридическим лицам. И даже если ими владеют наши соотечественники, всё равно в подобном контексте становится абсолютно фантомной какая бы то ни было внутренняя логика и мотивация «самостоятельного» развития.

При этом наша раздвоенность и некая шизофреничность основаны именно на том, что мы оцениваем себя как иной объект. Ведь никому же в голову не приходит делать трагедию из того, что бразильская или боливийская экономики не развиваются по вектору экономики Германии. Эти страны давно занимают свои ниши, определенные мировым рынком и разделением труда. Кто-то торгует бананами, кто-то собирает автомобили или зарабатывает на туризме и вовсе не думает о каком-то качественном скачке, позволяющем этим странам перейти в разряд постиндустриальных государств уровня США, Германии или Великобритании. Никто в Таиланде и Боливии этого не ждет и не мучается раздвоенностью сознания так, как это делают россияне, страдающие о том, почему для нашей державы никак невозможно догнать небогатую Португалию по ВВП на душу населения? Потому что державы нет, а Португалия — есть.

Раздвоенность нашего сознания объясняется укоренившимися представлениями, что мы вообще-то почти Америка, но вот беда: по каким-то неведомым причинам никак не можем сравниться с ней по производительности труда, уровню развития и качеству институтов. И нам не приходит в голову очевидный факт: Россия — не Америка. Мы в принципе не можем

стать государством такого порядка — для этого нам нужна принципиально другая история и очень много WASP. Но вот институты у нас начинают сейчас работать именно те, по которым живет этот мир, определяющий глобальную повестку. Поэтому англо-саксонское право, вопросы безопасности, мировой торговли, интеллектуальной собственности — это то, что мы без вопросов делаем под диктовку тех же Соединенных Штатов. И, несмотря на все наши патриотические крики по всяким ерундовым поводам — все проблемы, например, связанные с ВТО, были моментально решены и приняты Государственной Думой ровно так, как эти вопросы трактуются в Евроатлантическом сообществе. То же случилось и в отношении ключевых проблем защиты интеллектуальной собственности — самых значимых сегодня для постиндустриального мира. По ним никто в Госдуме даже не заикнулся.

Современный мир — мир действительно глобальный. На мой взгляд, это не первый опыт глобализации. Подобный опыт был обретен в эпоху Римской империи, затем — в эпоху становления христианства. Мы просто забыли, что вся Европа говорила на одном языке и училась в одних университетах задолго до 80-х годов XX века, когда, как принято считать,

стартовала современная глобализация, зафиксированная Римским клубом. Этим языком была латынь, а глобальным образовательным институтом — римская церковь и университеты. Джордано Бруно учился в Италии, преподавал в Париже и Лондоне. Фома Аквинский, Бонавентура, Эразм Роттердамский, Николай Кузанский, Мирандолла, Парацельс, Леонардо — это были граждане мира и глобальные мыслители, буквально кочевавшие по Европе.

Главная проблема современной России — новая идентичность в глобальном мире через опознание и приятие своей ниши в мировом разделении труда. Как она разрешится, например, лет через десять? Сохранится ли Россия как унитарное государство, федерация, конфедерация или на наших огромных просторах вылупится некий набор обособленных парагосударств? Всё может быть... И, наоборот, многое будет зависеть от ряда конъюнктурных и непрогнозируемых внешних и внутренних обстоятельств, а также качества нашей элиты. Возможен и «Черный лебедь» Насима Талеба — совершенно непредсказуемое событие-катастрофа (необязательно в однозначно негативной трактовке), разом меняющее всё. Это очень соответствовало бы нашей стилистике

жизни. Думаю, так оно и будет. Голем не гибнет — он просто рассыпается однажды без объяснимой причины и обращается в прах.

Кстати, и любезный нашему сердцу Урал как «опорный край державы» тоже превращается в фантом, поскольку радикально изменился главный ресурс развития человечества. Раньше именно на сырьевом ресурсе и его переработке строилась вся индустрия, держалась динамика общества. Это было характерно и актуально для прошлого века, позапрошлого. Урал действительно являлся важнейшим центром переработки ресурсов индустриального мира. А сейчас главный ресурс развития человечества другой — интеллектуальная собственность, организация, обработка и движение информационных потоков. В постиндустриальном мире нет такой информационной империи, как Россия, и нет такого ее опорного края, как Урал, где по-прежнему господствует первичная переработка сырья, что не является ни первым, ни вторым, ни третьим по значимости ресурсом этого нового мира.

Хорошая иллюстрация — состояние региональных институтов. Происхождение и ментальность местной власти имеет слишком мало общего с государственными и общественными интересами, нуждами и смыслами. Администрация Челябинской области — некий проект, штаб известной финансово-промышленной группы, целью которого является извлечение прибыли из приватизированных в свое время институтов власти и бюджетных ресурсов при минимизации издержек и накладных расходов, которые полностью переложены на бюджет. Все региональные общественно-политические институты были в прошлом году окончательно скомпрометированы как таковые. Вспомним, прежде всего, эпопею вокруг главы Челябинского областного суда, наглядно свидетельствующую об отсутствии здесь суда как такового.

Теперь он воспринимается как некий инструмент для решения чисто конкретных клановых вопросов крупных коммерческих групп, стремящихся водворить на стратегическую позицию своего человека, чтобы «разруливать» их интересы.

Правительство области и администрация губернатора, где руководителей высшего ранга в пору различать не по должностям, а по процессуальному статусу в уголовных коррупционных делах: кто-то свидетель, кто-то обвиняемый, кто-то подозреваемый, кто-то уже сидит...

Областной и городской «парламенты», практически единогласно штампующие любую бумагу, которую бросит им мэр или губернатор в обмен на содействие депутатскому бизнесу, на стояночки, парковочки, гарантии по кредитам и прочее.

Пресса, исправно переписывающая пресс-релизы в полном соответствии с «договорами на информационное обслуживание» с органами власти и корпорациями.

«Общественность», позорно исполняющая пиар-заказы власти через жалкие кормушки Общественных палат. Карманные социологи и политологи, за скромную мзду рисующие любые цифры всенародного одобрения любого, самого нелепого шага власти.

Что еще? «Новый» бизнес, сидящий на игле бюджетных вливаний и гарантий и рассыпающийся при первом же пропущенном бюджетном транше? Население, набравшее потребительских кредитов и быстро идущее (судя по данным торгового оборота) к нищете и персональным банкротствам? Культура, следы которой нужно искать под лупой? Массовое самосознание, травмированное бедностью, подавленное необразованностью, вороватостью и подспудным, ежедневным ожиданием катастрофы?

В этом смысле настоящим символом конца эпохи стал «челябинский метеорит», а точнее — восприятие его региональным сообществом. Это так очевидно — людям очень хочется чем-то гордиться в этой звенящей нищете смыслов. И если гордиться совсем нечем — начинают гордиться тем, что на них что-то упало. Это очень точно нас характеризует.

В истории Европы было немало случаев, когда падение небесных тел вызвало апокалиптические настроения и массовые неврозы. Но гордились-то они совсем другим — трудами своих зодчих, мыслителей, художников, победами полководцев... Зато многие архаичные островные племена, наоборот, бурно радовались, когда с ними случалось нечто подобное, они воспринимали это как Божью милость, как знак, что они чем-то отмечены свыше. Если больше нечему радоваться, если нет иных достижений — можно радоваться и небесному камню. И то верно: хорошо, что он, милостию Божьей, упал в озеро, а не на комбинат «Маяк». Наверное, тогда радости и гордости было бы значительно меньше.

Сама попытка как-то прислониться к тому, что не имеет никакого отношения к нашим способностям, заслугам и перспективам, очень внятно характеризует тяжелую психологическую атмосферу, царящую сегодня в региональном сообществе. Она похожа на состояние человека, пробуждающегося от ночного кошмара, но всё еще боящегося открыть глаза. **БК**

